

УДК 94

ВОЙНА И ЧЕЛОВЕК. ДО И ПОСЛЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. И. Муравицкий

Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Смоленск Россия

Человек, в ходе исторической эволюции существенно менялся. Менялся смысл бытия, ценности, окружение, информация, которая влияла на человеческую психику, неизменно лишь психолого-биологическое состояние. Всегда и везде присутствует инстинкт самосохранения, однако механизмы защиты личности в экстремальных ситуациях, случаях, когда опасность угрожает здоровью и жизни, линия поведения и реагирование на угрозы всецело зависят и от обстановки, и от исторических особенностей, и от воспитания.

Тот, кто находится в условиях боевых действий, испытывает колоссальное психологическое напряжение. Оно несравнимо ни с какими ситуациями, которые могут случиться человеком. Это колоссальные нагрузки и физические, а особенно – психологические. Причем это давление не равномерное, здесь необходимо разделять несколько категорий таких людей:

- военнослужащий непосредственно в бою;
- командир, руководящий боевыми действиями;
- военнослужащий, находящийся в зоне боевых действия, но непосредственно в них не принимающий участия;
- гражданский человек в зоне боевых действий;
- все эти лица после окончания боевых действий.

Можно нарисовать психологический портрет каждой из указанных категории, но при этом однозначно следует заметить, что чувства, которые испытывают в экстремальной ситуации эти люди значительно отличаются от чувств и ощущений человека в мирной жизни, а также то, что абсолютно спокойного состояния в боевой обстановке не бывает.

Следует также разделить все эти понятия на тех, кто участвовал или пережил все ужасы Великой Отечественной войны, и тех, кто принимал участие в вооруженных конфликтах второй половины XX и начала XXI в., начиная с «корейской войны» и так далее.

Психика людей, которые находятся на войне, перестраивается под ее потребности. И после того как человек попадает в мирную обстановку, он становится неприспособленным к ней. Его мнение отличается от мнения окружающих.

В Великую Отечественную войну вступили молодые советские люди, в основном не имевшие опыта боевых действий, зная о войне лишь по рассказам, фильмам и книгам. Это поколение уже воспитывалось в системе гума-

низма, высокого уровня культуры, восприятия жизни как стремления к будущему и своей роли в нем.

И ... «чем больше человек ценит жизнь как возможность в ней что-то сделать, понять, постичь, тем больше его разум страшится мысли не успеть доделать то, что хотел. Особенно, когда речь идет не о кадровых профессиональных военных, а о мобилизованных людях, вырванных на войну из мирной жизни» [1].

Не удалось избежать этим людям и психологических травм после возвращения с войны. Это означало для них вступление в совершенно новую жизнь. До ухода в армию они, как правило, не имели ни законченного образования, ни профессии, ни семьи. И это им необходимо было наверстывать. А вот фронтовой опыт, несмотря на свое разнообразие, очень специфичен. Склонность к риску, умение принимать самостоятельные решения в экстремальных ситуациях, смелость и решительность, т. е. все те качества, которые наиболее ценились в боевой обстановке, уже не особенно вписывались в мирную жизнь.

«Расшатанность нервной системы, болезненное реагирование на непривычные условия мирной жизни, встретившей защитников Родины далеко не так, как они того заслуживали, помноженные на сильный самостоятельный характер, сложившийся на войне, делали послевоенную адаптацию этого поколения чрезвычайно сложной» [2].

Есть огромная разница восприятия самой войны, как у наших дедов, ковавших Великую Победу советского народа в войне с фашизмом, и тех, кого «на войну не посылали».

Вот оказался солдат на войне либо еще где-нибудь, где он и такие, как он, выполняют поставленные перед ними задачи, сложные, порой смертельно опасные. И только они подвергаются риску. Афганистан, Чернобыль, Чечня, Балканы, Южная Осетия, да и все вооруженные конфликты второй половины XX века. Это не касается всех граждан страны, это касается только их. В этот период они нужны, на них смотрит вся страна, весь мир, они чувствуют, что все зависит только от них, они в ответе за все. Потом все заканчивается, и эти солдаты возвращаются в мирную жизнь.

А готова ли мирная жизнь к их приходу, готовы ли они к приходу в мирную жизнь? Особенно это заметно непосредственно сразу после возвращения, когда еще свежи воспоминания. Видно, как непривычно сидит на них гражданская одежда, как руки постоянно ищут чего-то привычного, а это – оружие. А оружия нет, от этого им очень неловко ощущать себя в окружающем пространстве.

Впервые сразу много таких молодых людей я увидел в Ташкенте на железнодорожном вокзале. Осенью 1982 г. ташкентский вокзал был заполнен афганскими «дембелями». Молодые загорелые ребята в отглаженных «парадках» с медалями и орденами на груди. Они были красивы в своем военном обмундировании. Они гордились собой за то, что смогли преодолеть то, что не под силу другим. Они были величавы от того, что они с честью выполнили приказ Роди-

ны, выполняя интернациональный долг. В их глазах читалась надежда на то, что их усилия не были тщетными, а потери обоснованы интересами государства.

Потом они поймут, что в то время пока они этот самый долг выполняли, что-то изменилось. И в них самих, и в окружающих, и в жизни. И назовут это «афганским синдромом».

Со временем часть этих людей найдет себя в обществе, станет активной частью граждан, сыграет значительную роль в строительстве новых государств – бывших республик Советского Союза. А кто-то не сможет «излечиться» от «афганского синдрома», сломается, и никто не сможет помочь ему.

Потом были участники межнациональных конфликтов на «осколках» СССР. А затем была Чечня. И в стране появились молодые люди с «чеченским синдромом».

В 2000 г. я возвращался из очередной командировки в Грозный, со мной в самолете летел молодой солдат, легко раненный накануне в ночном бою. Пару часов лёту из Моздока, и... ты в аэропорту Москвы: реклама, музыка, хорошо одетые люди, шикарные машины, пиво, смех. Всем окружающим безразлично то, что где-то идет война и гибнут люди. Он, передвигаясь на самодельном костыле, ошалевшими глазами осматривал окрестности московского аэропорта, хотя в Грозном он пробыл всего-то месяц. И спросил меня: «Товарищ полковник! А почему всё так? Там война, а здесь – праздник...» [3].

«Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в экстремальных обстоятельствах войны и особенно в ситуациях, представляющих собой квинтэссенцию всех ее опасностей, крайнего напряжения физических и моральных сил ее участников, наиболее отчетливо реализуются и проявляются сложные механизмы рационального и иррационального в человеческой психологии. В этих обстоятельствах иррациональное выступает в качестве механизма психологической защиты, способствующей самосохранению психики человека в по сути нечеловеческих условиях» [4].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Режим доступа: [http:// psychodisease.ru/vliyanie-vojny-na-psixiku-vernuvshixsya-soldat.html](http://psychodisease.ru/vliyanie-vojny-na-psixiku-vernuvshixsya-soldat.html).
2. Режим доступа: https://bookap.info/psywar/senyavskaya_psihologiya_voyny_v_xx_veke_istoricheskiy_opyt_rossii/g126.shtm.
3. Режим доступа: <https://proza.ru/2012/05/30/1339>.
4. Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/126266>.